

Обличительные наименования

(на материале русской литературы XVII — первой половины XVIII вв.)

Как показывает анализ русских полемических сочинений XVII — начала XVIII в., в них ученая полемика практически всегда подменялась бранью, направленной против оппонента; на место научного спора, участники которого стремятся найти истину, ставилась защита порядка; брань же являлась реакцией на такое нарушение. Важным атрибутом инвективного высказывания являлась концентрация сведений о пороках оппонента.

Правда, бытуют и наименования, которые, не являясь бранными в обыденной речи, приобретают пейоративную (обличительную) функцию в инвективной, эмоционально окрашенной речи. Например, в «Повести о бражнике» название героя бражником указывает на несовместимость его поведения со «званием». В известном стихотворном доносе 1704 г. архимандрита Хутынского монастыря Феодосия Иова находим следующий фрагмент: «...и он, чернец, твоему повелению учинился ослушен и силен». Оппонент, враг получает такое именование не потому, что он ему отвечает, а напротив, потому что он этому наименованию не соответствует: являясь чернецом, ведет себя не так, как ему положено себя вести, нарушает порядок.

Но чаще враг получает эмоциональное наименование, соответствующее его нарушающим порядок поступкам или поведению. Так, в «Лабиринте» Эберхарда находим: «Это он, лицемер, обольщает медовою речью неискушенных, и в них точит погибели яд».

Бранные обличительные наименования иногда расценивались как приводящие к уничтожению противника удары. Довольно необычным является избивание оппонента языком: «Оставив же Евлогия, Великий Антоний начат языком бити разслабленного. И глагола ему: клосне и разслаблене, недостойне небес и земли». Герой этого рассказа нарушил порядок, проявил неблагодарность. Бранные слова предстают как удары языка.

Нагромождение инвективных наименований может стать приемом. В «Обличении на Лихудов» дьяка Афанасия находим: «...новые прелестницы, бешенные собаки, темнообразные иноземцы с лукавыми своими учениками, лютые звери, скверные нетопыри, слепые совы, нечистья души, окаянные человеки, новые Каины, вторые Иуды, плотные демоны, прелестные змиеве... ученики их иноземческому зело не потреблены, аще они, иноземцы, и учены, правда и истина...» Афанасий заменяет нагромождение бранных наименований логически связанными именами: от зверей и птиц к библейским персонажам. Повторяются здесь слова «иноземцы» и «прелестники» «прелестные». По всей видимости, этот повтор и указывает на главную вину оппонента. Враг осуж-

дается за нарушение установленного порядка. Действительно, иноземец не знает уклада другой земли и при этом соблазняет людей.

Та же идея нарушения порядка постоянно присутствует и в других полемических текстах второй половины XVII — XVIII начала вв. В «Щите веры» читаем: «А злоба еретическая между православными множится и ширится, яко лютый недуг, глаголемый гаггрена, все тело церкви святых мало по малу обкруживает и изъедает». В «Жезле правления» неоднократно указывается причина появления в текстах бранных наименований. В «Жезле правления» про Никиту Пустосвята говорится, что он «...дерзнул есть возвести мрачныя свои очеса в светлыя лучистыя богословии, их же не токмо не исправи, но в конец погубил есть». Или там же: «Яко бо козлиць бегая и плодоносная древеса объедает и губит, свиния же скверным носом вертоград рыет и нивочтожествует, тако и скотоумный сей Никита сотвори в саде благоплодовитом, и в вертограде благовонноцветном святых писаний».

Та же мотивировка обличения врагов за нарушение порядка содержится и в других текстах эпохи. В более поздней «Пращице» епископа Питирима старообрядцы «такowym своим беснованием велие во благочестивых соделали смущение и мятеж»; «всячески убо вси еретицы востающыя на церковь, якоже и вы, хотяще ю разрушити и в небытие свести, но сами точию вси погибоша». В другом любопытном тексте Петровской эпохи — «Увещании Синода против самоубийств» — бранных наименований удостоивается оскорбитель царского достоинства: «...в нынешнее время тем же суесловием прелестившии себе, явился злодей разстрига Василий Левин, которые желая страдания, не помня же суда Божия, не устрасился перед простым народом произнести безумныя злословия своя на державнейшего помазанника Божия, власть высочайшую и неприкосновенную». Враг осмелился обличать самого монарха, да еще прилюдно. Тем самым он нарушил чин, порядок. Очень много бранных наименований встречается в «Увете духовном» (1682).

В некоторых текстах поясняется, что же такое порядок. В «Увете духовном» читателю предлагается выбрать образ жизни: «Всяк же да разумевае сие, како подобает в мире сем жити, и как жителствуют на вселенной люди смотрети. Множеству ли последовати людям или единому злодеицу; царем ли подобает повиноватися или за мужики безумными гонятися, презрев их. Пастырем ли истинным послушание лучши отдавати или басноватым таимичищным врагом внимати; в пастве ли достоин быти и под началом или яко скоту без пасения на всякия грехи и своеволи бродити, мудрых ли и разумных слушати достоин или кто безумствует, воздержным ли людям сокровища веряют или пьяницам и вертопрахам то предавают». То есть антитетически представлено *правильное поведение*.

В переводном «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей»: «Христианския князи и государи ищучи Божия славы и чести и слову пространения и подданным своим покой чиня. Христианския со-

юзы и соединения супротивно язык турков и татар и иных гонителей. И сие честное и доброе христианское славное имя и те воры богоотступники и клятвы преступники государю своему вместо смуты и волнования соединением называют, потому что то слово волнование им кажется слово непригожее, а я бы хотел его прямым именем дьяволеванием назвати, и они и тому что волновальцами назвати не достоин, потому что они не человечески, но все дьявольски делают». Брань напрямую связана с защитой порядка. Отсюда сравнение настоящего положения дел с идеалом. В «Учении и хитрости» постоянно вспоминаются рыцарские времена, когда поведение воинов было основой порядка в войске.

В печатных текстах 40-х годов XVII в. брань, как правило, является реакцией на нарушение моральных устоев. Рейтары-предатели не только представляют угрозу государству, но и оказываются банальными изменниками. В «Службе и житии Сергия и Никона Радонежских» (М., 1646) в главе «О архимандрите Матфее» неблагоприятному архимандриту видится святой Никон: «Зрит себе пришедша во обитель преподобных и сrete его блаженный Никон, держа жезл пастырский в руке своей, обличая его и глаголя ему с яростию: что убо, лицемере, егда болезнь одержим, тщательне к нам приходиши. Исцеление же получив, паки отходиши, но отныне пребуди тамо, идеже возлюбил еси жити, к нам никакоже приходи». Аналогичные мотивы можно обнаружить в «Прологе» (в слове «О расслабленном»).

Обличаемый противник может перейти на сторону ругателя и перестать быть врагом. Так пытается обратиться беглецов Вельхаузен: «Тако же я всех чти любительных ратных людей болшей или малой меры прошу, чтобы им сие мне в зло не поставити, что кабы я в начале сего дела им к бесчестию писал; но потому как во всяких здоровых стадах коростовыя овцы живут и я сим мыслил про тех, которые на то злоподвижные и им воспоминаю, чтобы им того отстати и возвратитися и прилежно с радением ратному строю и науку и взыскати, потому что еще время возвратитися исправитися».

Такая мягкость возможна и в словесных войнах второй половины XVII в. Так, в «Увете духовном» Афанасий Холмогорский пишет: «Издадеся книга сия Увет духовный во утверждение благочестивых людей, во уверение же и обращение к покаянию от прелести расколников святая церкви». Значит, речь идет о тех, кто еще в состоянии вернуться на правильный путь, причем оговаривается способ исправления таких людей: «Братия, аще впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии направляйте такового духом кротости».

Совсем другое дело — инвектива как способ уничтожения врага. У Феофилакта Лопатинского обличение — это последняя мера борьбы с раскольниками, когда другие средства себя исчерпали. Например, в изданном в 1745 г. «Обличении неправды раскольнической» обнаруживается именно такое объяснение: книгу долго не издавали, так как «се же всемерно ожидаемо было по непрестанным святейшаго Синода попечениям, что реченни невидящи света всем благопотребнишаго

благоволения Божия о спасении человеческого промышляющего, начнут поне от времени ко времени навывать, беззлобно приметить и уразуметь внутреннее грубая тмы своея бедство, а противу того узнать и почувствовать всеблаженнейшую свободу пресветлаго благочестия Христовы Церкви». Но, признав потом «крайнее их удаление от пути истины *невозвратно*, за благо избрал» издать книгу.

Для автора обличительного сочинения враги не только нарушают правильный, но и пытаются установить свой, неправильный порядок. К нему стремятся самовольно назначающие командиров и называющие «волнование соединением» изменники-солдаты из «Учения и хитрости». Свой порядок предлагают и старообрядцы. Видимость порядка создают католики, лютеране и турки. Но, в глазах автора, все организованное врагами, не имеет никакого отношения к истинному порядку.

Иногда при описании отрицаемого авторами полемических сочинений ложного порядка использовались образы, традиционно характеризовавшие истинный порядок. В этих случаях речь шла о потенциальной возможности договориться с врагом и создать порядок на основе этого соглашения. Так, хотя важнейшими чертами порядка являются тишина, мир и покой, во внутрискорообрядческой полемике XVII в. сторонники раскольнической записи ссылались на слова Феофилакта Болгарского: «Не всяк мир и согласие добро, но есть егда и которы, и расколы — Божия вещь мнится», — осуждается порядок (известно, что для этих старообрядцев слово «раскольник» не воспринималось как бранное) и поощряется его разрушение.

Но чаще обличаемый герой — это разрушитель старого порядка, новый порядок устанавливается им неосознанно. В «Повести о Фроле Скобееве», где самое частое бранное наименование — «плут», героя таким образом называют стольники Ордын-Нащокин и Ловчиков. При этом они по-разному относятся к поступкам Фрола Скобеева. Для Ордина-Нащокина (и, вероятно, автора) брань здесь является реакцией на нарушение всего уклада жизни, а для Ловчикова — плутня мошенника, но без подрыва основ. Слово «плут» Ордын-Нащокин повторяет в каждой обращенной к Фролу Скобееву фразе. Бранное наименование, содержащееся в каждой строке обвинительного текста, было характерным элементом инвективной письменности: так же построено, например, опубликованное М. Семевским письмо Меншикова о плутнях монаха Порфирия. Однако в случае с «Повестью о Фроле Скобееве» можно предположить, что Ордын не только клеймит героя, но этим наименованием указывается и жанр произведения — плутовская новелла.

Попоставим «Повесть» с ремейком XVIII в. — «Новгородских девушек святочным вечером» Ив. Новикова. У Новикова герой представлен как известный тип — плут по натуре, плут неугомный. Уже после семейного примирения он обманывает тестя и выманивает у него больше крестьян, нежели тот полагал дать молодым. В «Повести» же бранное наименование (плут) порождено необычностью поступка. Подоб-

но тому, как в «Увещании Синода» автор не знает, как назвать совершенное преступление, но при этом находит именование для преступников («окаянные сумазброды»), так и невиданное доселе преступление Фрола Ордин-Нащокин называет плутней, а разрушителя уклада — плутом. Невиданный преступник пока еще подпадает под старую категорию «плутов».

Таким образом, в беллетристике и в обличительных трактатах оппонент рассматривается как угрожающий существующему порядку враг. Этим обстоятельством объясняется ожесточенность полемики в XVII — начале XVIII вв. Многогранность понятия «порядок» позволяет установить иерархию подобных преступлений: от нападков на веру и церковь как основы общего порядка до забвения нравственного императива (неблагодарность, бесчестие и т. п.). Всех преступников объединяет агрессивное стремление разрушить существующий порядок. Брань представлялась действенным средством борьбы с таким агрессивным врагом.

531-е заседание. 19 сентября 2001 г.

Заседание, посвященное 100-летию Ольги Александровны Державиной. Выступили: В. П. Гребенюк, Е. И. Державина, В. И. Левочкин, А. Л. Никитин, О. В. Гладкова, Е. Л. Конявская, А. С. Демин.

532-534-е заседания. 25-27 сентября 2001 г.

Участие ОИДР в конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси», организованной журналом «Древняя Русь: вопросы медиевистики».

535-537-е заседания. 3-6 октября 2001 г.

Конференция «Мир житий», организованная ОИДР. См. сборник «Мир житий». М., 2002.

538-е заседание. 10 октября 2001 г.

И. В. Дергачева

Синодик как литературный памятник: история и традиции.

Возникновение литературного Синодика в России связано с определенными социально-историческими предпосылками. Поэтому этот интереснейший памятник книжности, получивший благодаря особой популярности название «народной книги»¹, возникает и имеет богатую рукописную традицию именно в России, не выходя за ее пределы. Можно говорить лишь об определенной корреляции этого памятника с латинскими «Ars moriendi».

Однако еще до возникновения Синодика-литературного сборника в конце XV в. на Руси уже существовали два других, более древних, типа Синодика. Первый — давший название всем трем типам памятника